

Война Владимир

Пепел манго

18+

Война Владимир Пепел манго

<https://litres.ru/74134729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что выходит замуж по любви. Он знал, что женится на земле.

Моника Нагар поверила в сказку: случайная встреча на празднике Холи, пылкие клятвы под звёздами Агры, пышная свадьба и счастливое будущее. Но уже через три месяца семейной жизни её тело сожгут в овраге, завёрнутое в навоз, а муж объявит: «Она повесилась».

Что это было — трагическая случайность или хладнокровный расчёт? Семья Чаухан охотилась не за невесткой, а за её землёй, оценивающейся в миллионы рупий. И когда Моника отказалась подписывать дарственную, любовь превратилась в смертный приговор.

Эта история, основанная на реальных событиях, — не просто хроника преступления. Это роман о том, как жадность надевает маску страсти, как традиции становятся орудием убийства и как из пепла вырастает сад.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Война Владимир

Пепел манго

Глава

Введение: Пепел, ставший ветром

Говорят, самый сладкий манго вырастает на костях. Говорят, любовь ослепляет, а брак дарует душе бессмертие. Но никто не шепчет девочкам, воспитанным на сказках о принцах, что свадебный алтарь легко обращается в погребальный костер. Что хна на ладонях невесты — это всего лишь репетиция запекшейся крови. И что огонь, согревающий семейный очаг, способен пожирать плоть с той же жадностью, с какой молодой муж шепчет клятвы у изголовья.

Я пишу эту историю не ради славы и не ради денег. Я пишу её, потому что мёртвые не умеют лгать, а пепел не умеет молчать. Моя сестра сгорела заживо, а мир назвал это несчастным случаем. Моя сестра кричала в телефонную трубку за три минуты до смерти, а полицейский зевнул и перевернул страницу газеты. Её звали Моника. Моника Нагар. И она совершила всего одно преступление: родилась женщиной, владеющей землёй.

Земля. Всего пять акров пыльной, потрескавшейся от

солнца почвы где-то на окраине Агры. Но для семьи Чаухан эта земля стоила дороже человеческой души. Миллионы рупий звенели в ушах Раджендры Чаухана громче, чем свадебные мантры. Его сын, красавец Анудж, был всего лишь инструментом — блестящей приманкой с улыбкой кинозвезды и сердцем шакала.

Моника полюбила его в праздник Холи, когда краски мира смешались в буйство розового и жёлтого, а его руки легли на её талию с властностью, которую она по глупости приняла за страсть. Ей было двадцать два. Она верила, что любовь способна растопить любой лёд, перестроить любой характер, превратить лягушку в принца. Она не знала, что некоторые лягушки рождаются змеями.

Я помню день её свадьбы. Семнадцатое февраля. Воздух, густой от жасмина и кардамона. Грохот барабанов дхол. Её руки до локтей в кружеве мехенди — среди узоров она велела художнице спрятать его имя. «Найди», — смеялась она, тыча пальцем в мою ладонь, — «найди букву „А“». Если найдёшь, я буду самой счастливой женой на свете». Я нашёл. Буква «А» была вплетена в лепестки лотоса у самого запястья — там, где позже проступят синяки от его хватки.

Старая Баа, наша служанка, слепая и полусумасшедшая, схватила меня за рукав в ту ночь, когда гости разошлись. Её бельма горели лунным светом, а беззубый рот шептал какую-то бессвязную чушь о пепле и манговом дереве. Я отмахнулся. Кто слушает безумных старух в ночь после сва-

дбы, когда вино ещё бродит в крови, а музыка всё ещё звенит в ушах? Теперь я знаю: старухи безумны ровно настолько, чтобы говорить правду, которую мир отказывается слышать.

Мёд их брака длился ровно столько, сколько потребовалось Монике, чтобы сказать «нет». Нет — она не подпишет бумаги. Нет — земля её отца не перейдёт к его убийцам. Нет — она не станет безмолвной рабыней в доме, где свекровь тушит сигареты о невесткину кожу, а муж насилует её, требуя подпись на документе.

Три месяца. Девяносто дней от первого поцелуя до последнего вздоха. От красного сари до чёрного пепла. От любви до смерти.

В тот день, когда её убили, она успела позвонить нашей матери. «Мама, они меня убивают», — вот что она кричала. Трубку выбили из рук. Когда я ворвался в дом Чауханов час спустя, её тело уже грузили в чёрный внедорожник, как мешок с песком. Её сари волочилось по земле, собирая пыль и сухие листья. Я закричал. Меня отшвырнули, как щенка.

Потом был костёр. Они сожгли её вместе с навозом — якобы таков был деревенский обычай для самоубийц. Самоубийц! Моя сестра, которая боялась высоты, которая плакала над сломанным крылом воробья, которая мечтала о детях и манговом саде, — якобы накинула петлю себе на шею. И Анудж, безутешный вдовец, с благословения старейшин деревни, предал её тело огню, уничтожив все улики.

Пепел не может говорить? Ложь. Пепел стучит в моё сердце каждую ночь. Он требует голоса. Он требует справедливости.

Эта книга — не просто хроника преступления. Это история любви, которая сгнила за три месяца. История семьи, для которой деньги пахли слаще плоти. История девушки, которая поверила в сказку и сгорела в её финале. Это история о том, как в стране тысячи богов, в стране великих эпосов и величайшей на земле нежности, женщина может стоить меньше, чем клочок сухой земли.

Меня зовут Рохит Нагар. Я — брат той, что превратилась в пепел. И я расскажу вам всё. Без прикрас. Без цензуры. Так, как шепчет мне по ночам ветер, прилетающий с того самого поля, где теперь растёт молодое манговое дерево — единственное, что осталось от Моники на этой земле.

Слушайте же. И пусть тот, у кого есть сестра, дочь или жена, не повторит нашей ошибки. Пусть тот, кто носит под сердцем любовь, научится отличать её от расчёта. Потому что следующей можете быть вы.

Агра, округ Фатехпур-Сикри.

Наши дни.

Глава 1. Цвета, ставшие судьбой

Холи в Агре — это не праздник. Это безумие, благословлённое богами.

Улицы тонут в разноцветном порошке — гулал взлетает к небу розовыми, жёлтыми, бирюзовыми облаками, оседая на

волосах, ресницах, языках. Воздух пахнет сандалом и бхангом, запрещённым и оттого ещё более сладким. Барабаны дхол грохочут где-то в районе старого базара, и их ритм отдаётся в грудной клетке, как второе сердце. В этот день нет каст, нет сословий, нет богатых и бедных. Есть только цвет. Есть только весна. Есть только бесконечное, пьянящее «сегодня».

Моника Нагар стояла на плоской крыше отцовского дома и смотрела, как город сходит с ума. Ей было двадцать два, и весна уже текла по её венам.

Подол её простого белого камиза был обречён — к вечеру он станет палитрой всех мыслимых оттенков. Густые чёрные волосы, заплетённые в свободную косу, уже припорошило розовым — соседские мальчишки успели запустить в неё пригоршню порошка с балкона напротив. Она смеялась, отряхиваясь, и ветер подхватывал цветную пыль, унося её в сторону Тадж-Махала, белевшего в дымке, как мираж, как сон из другой жизни.

— Моника! — голос матери, взлетевший снизу, из внутреннего дворика, был строг, но не зол. — Если ты собираешься идти на площадь, возьми с собой Рохита. И ради всех богов, не пей ничего из чужих рук!

— Мама, мне двадцать два, а не двенадцать! — крикнула она в ответ, перегибаясь через перила.

— Вот именно! В двенадцать ты хотя бы слушалась!

Моника фыркнула и вдохнула поглубже. Сегодня всё пах-

ло иначе. Сегодня даже выхлопные газы стареньких моторикш отдавали жасмином. Или это просто её воображение, разогретое ожиданием чуда.

Она сбежала по лестнице, пронеслась мимо матери, чмокнув её в висок, схватила брата за рукав — Рохит, девятнадцатилетний, вечно хмурый и вечно опекающий, — и потащила его за собой, в самое сердце праздника.

Площадь перед храмом Шивы бурлила.

Толпа колыхалась, как единый организм, — сотни тел, слипшихся в экстатическом танце. Кто-то пел, кто-то хохотал, кто-то уже лежал в тени баньяна, перебрав бханг-ласси. Моника нырнула в эту толпу, как в реку, и позволила ей нести себя.

Краски летели со всех сторон. Зелёный — в левую щёку. Фиолетовый — в грудь. Оранжевый — в волосы, запутавшись в прядях, как лепестки календулы. Она кружилась, закрыв глаза, и мир кружился вместе с ней. Рохит что-то кричал ей вслед, но его голос тонул в грохоте барабанов.

А потом её кто-то поймал.

Это случилось резко — танец прервался, потому что чьи-то руки сомкнулись на её талии, останавливая падение. Моника распахнула глаза и увидела его.

Он был высок — ей пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть лицо. Смуглая кожа, влажная от пота и водяных брызг. Глаза — тёмные, глубоко посаженные, с искрой, которую она поначалу приняла за веселье. Позже она узнает,

что это была не искра, а голод. Но пока что — пока что он был просто красив, ослепительно, до дрожи, до спазма где-то под рёбрами.

— Ты чуть не упала, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой, перекрывающий даже барабаны.

— Ты меня поймал, — ответила она, и это прозвучало глупо, но ничего умнее она придумать не смогла.

Он улыбнулся. Улыбка у него была, как утреннее солнце — внезапная, горячая, обещающая.

— Анудж, — представился он, и его ладони всё ещё лежали на её талии, тёплые, уверенные, не спешащие отпустить. — Анудж Чаухан.

— Моника, — выдохнула она. — Моника Нагар.

— Мо-ни-ка, — произнёс он по слогам, пробуя её имя на вкус. — Красивое. Мягкое, как манго.

Вокруг них танцевала толпа, но мир внезапно сузился до этого человека. Кто-то выкрикнул его имя — Анудж обернулся, и Моника увидела, как сквозь толпу проталкивается грузный мужчина с усами, подкрученными на старый манер. Отец. Она узнала этот властный взгляд — так смотрит хозяин, оценивающий товар.

— Анудж! — рявкнул мужчина. — Хватит прохлаждаться. Идём.

Анудж поморщился, но рук не убрал.

— Отец зовёт. — Он наклонился к её уху, и его дыхание обожгло ей кожу. — Но мы ещё увидимся, Моника Нагар.

Я обещаю.

Он исчез в толпе так же внезапно, как появился. Моника осталась стоять, прижимая ладонь к груди, где сердце билось пойманной птицей.

— Кто это был? — Рохит материализовался рядом, взъерошенный и злой. — Что ему было нужно?

— Ничего, — соврала Моника. — Просто помог.

— Помог он, — буркнул Рохит. — Я видел, как он на тебя смотрел. Как змея на лягушку.

— Ты всё всегда видишь в чёрном цвете, — отмахнулась она. — Сегодня праздник, братик. Расслабься.

Но Рохит не расслабился. Он проводил взглядом высокую фигуру Ануджа Чаухана, растворяющуюся в разноцветном мареве, и что-то в его душе сжалось. Предчувствие? Интуиция? Или просто ревность брата, видящего, как сестра влюбляется с первого взгляда в незнакомца? Он не знал. Он только знал, что имя «Чаухан» он где-то уже слышал — и ничего хорошего с этим именем связано не было.

Моника вернулась домой, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая Тадж-Махал в золотисто-розовый.

Она была похожа на радугу — ни одного чистого сантиметра на одежде и коже. Даже в ушах, казалось, скопилась цветная пыль. Она смеялась без причины, напевала мелодию, которую услышала на площади, и отказывалась смывать краски — «пусть ещё побудут, мама, это же Холи, это священные цвета».

Мать качала головой, но не спорила. Отец, умерший четыре года назад, оставил в доме пустоту, которую мать научилась заполнять мягкой, всепрощающей любовью. Она смотрела на сияющее лицо дочери и думала, что весна — это лучшее время для счастья.

За ужином Моника была рассеянна. Она ковыряла ложкой дал, не замечая его вкуса. Перед её глазами всё ещё стояло лицо Ануджа. Его руки на талии. Его дыхание у уха. «Мягкое, как манго». Никто и никогда не говорил ей таких слов.

— Ты встретила кого-то, — констатировала мать, разливая чай.

— Что? Нет! — Моника покраснела, и это было заметно даже сквозь остатки розового порошка на щеках. — С чего ты взяла?

— С того, что ты уже полчаса смотришь в стену и улыбаешься, как дурочка.

— Я не улыбаюсь.

— Улыбаешься. Рохит, она улыбается?

— Ещё как, — мрачно подтвердил брат. — Там был какой-то тип. Чаухан, кажется. Смотрел на неё, как на кусок мяса.

— Рохит! — возмутилась Моника. — Прекрати. Он просто помог мне не упасть.

— Он держал тебя за талию, — отрезал Рохит. — Десять секунд. Я считал.

— Ты считал?!

— Я всегда считаю, когда к тебе прикасаются незнакомые мужчины. Я твой брат. Это моя работа.

Моника закатила глаза, но уголки её губ всё равно подрагивали. Анудж Чаухан. Она повторила это имя про себя, как мантру. Анудж. Анудж. Анудж.

В ту ночь она не могла уснуть.

Она стояла на той же крыше, где начался её день, и смотрела на звёзды. Город спал. Отгремели последние хлопушки, допели последние песни. В воздухе всё ещё пахло сандалом. На ладонях всё ещё держался розовый пигмент.

Она думала о нём. О его глазах. О его голосе. О том, как он сказал «мы ещё увидимся».

Если бы она знала тогда, чем обернётся эта встреча. Если бы она знала, что «увидимся» будет означать «я приду за твоей землёй». Если бы она знала, что руки, поймавшие её от падения, через три месяца сомкнутся на её горле, а улыбка, показавшаяся ей солнцем, будет освещать погребальный костёр.

Но она не знала. Она была молодой, счастливой, глупой девочкой, которая верила в любовь с первого взгляда.

И боги, как жестоки боги, дали ей ровно девяносто дней, чтобы поверить в это окончательно — перед тем, как отнять всё.

Глава 2. Шёпот звёзд

Анудж Чаухан умел ждать.

Этому искусству его научил отец. Раджендра Чаухан не был ни философом, ни мудрецом, ни святым человеком, но он владел одной истиной, которую вбивал в сына с той же методичностью, с какой кузнец бьёт молотом по раскалённому металлу: мир принадлежит не тому, кто быстрее, а тому, кто умеет выждать. Волк не бросается на оленя сразу. Волк идёт по следу. Волк изучает. Волк знает, где олень пьёт воду, где отдыхает, где слаб. И только потом — один бросок. Один. Смертельный.

И сейчас, стоя на балконе отцовского дома и глядя на догорающий закат над Агрой, Анудж думал о Монике Нагар с терпением волка.

Он знал о ней всё. Вернее, всё, что имело значение.

Знал, что её отец, Суреш Нагар, умер четыре года назад от сердечного приступа, оставив вдове и двоим детям пять акров земли в округе Фатехпур-Сикри. Знал, что земля эта — не просто глиняный надел, а золотая жила: через неё должно было пройти новое шоссе, соединяющее Агру с Дели, и цена её росла с каждым месяцем, как тесто на дрожжах. Знал, что Моника — единственная наследница, потому что по завещанию Суреша именно ей, а не сыну, отходил этот участок. «Приданое для дочери, — написал он в завещании за год до смерти, — чтобы никто не посмел упрекнуть мою девочку, что она пришла в дом мужа с пустыми руками».

Старый дурак, думал Раджендра Чаухан, разливая виски в два стакана. Знал бы ты, Суреш, что твоё приданое станет

не благословением, а проклятием. Знал бы ты, что земля, которую ты купил потом и кровью, приведёт твою дочь на погребальный костёр.

Но Суреш не знал. А Раджендра знал. И Раджендра ждал.

— Она красивая, — сказал Анудж, отрываясь от созерцания заката. Он говорил тихо, словно пробуя слова на вкус. — Ещё красивее, чем на фотографиях.

— Красота — товар скоропортящийся, — отозвался отец, не поднимая глаз от бухгалтерской книги. — Земля — вечна. Запомни это, сын. Женщины приходят и уходят, рожают детей и стареют, покрываются морщинами и теряют зубы. А земля остаётся. Земля кормит. Земля — единственная жена, которая никогда не предаст.

В комнату, шаркая, вошла мать. Вимала Чаухан была женщиной, которую время не пощадило, но она и не просила пощады. Высокая, костлявая, с лицом, изборождённым морщинами, как пересохшее русло реки, она двигалась по дому, как тень, — бесшумно, но всепроникающе. Её сари всегда было белым — цвет вдовства, хотя муж её был жив. Белый цвет отпугивал злых духов, говорила она. Белый цвет скрывал пятна крови, добавил бы я.

— Ты встретил её? — спросила Вимала, усаживаясь в кресло. Голос её был сух, как хруст старой газеты.

— Встретил, — кивнул Анудж. — Поймал, когда она падала. Банально, как в кино. Но сработало.

— Девчонки любят банальности, — усмехнулась Вимала.

— Они вырастают на сказках о принцах и потом всю жизнь ищут того, кто поймает их за талию. Ты сыграл свою роль, теперь играй дальше.

— Она придёт в храм Шивы в пятницу, — продолжил Анудж, и в его голосе появились нотки деловитости, словно он обсуждал не судьбу девушки, а план предстоящей сделки. — Я узнал у её портнихи. Каждую пятницу она приносит цветы к лингаму — молится о хорошем муже. Ирония, да? Молится о хорошем муже, а получит меня.

— Ты будешь хорошим мужем, — жёстко сказал Раджендра, захлопывая книгу. — Ровно до тех пор, пока земля не перейдёт в нашу собственность. А потом — делай с ней что хочешь. Хочешь — люби. Хочешь — бей. Это будет твоя жена, твоя собственность, твоё дело.

Анудж промолчал. Он смотрел на закат, и в его тёмных глазах плясали отблески умирающего солнца. Если бы кто-то сумел заглянуть в эти глаза достаточно глубоко, он увидел бы там не любовь, не страсть, не даже похоть. Он увидел бы пустоту. Холодную, расчётливую пустоту человека, который с детства знал, что такое нужда, и поклялся себе никогда больше не быть бедным. Любой ценой. Даже ценой человеческой жизни.

Но Моника Нагар не заглядывала в его глаза достаточно глубоко. Она смотрела в них и видела только то, что хотела видеть: красивое лицо, уверенную улыбку, обещание счастья.

Через три дня, в пятницу, она вошла в храм Шивы ровно в шесть вечера.

Храм был старый, замшелый, спрятанный в лабиринте узких улочек старого города. Туристы сюда не заходили — они толпились у Тадж-Махала, щёлкая камерами и торгуясь с продавцами магнитиков. Здесь же было тихо. Пахло сандалом, топлёным маслом и камнем, нагретым за долгий день. Где-то в глубине храма жрец нараспев читал мантры, и его голос, усиленный каменной акустикой, звучал как голос самого бога — низкий, вибрирующий, уходящий в кости.

Моника была в жёлтом сари — цвет куркумы, цвет благоговения. Волосы, заплетённые в косу, были украшены гирляндой из живых цветов. В руках она несла поднос: кокос, цветы гибискуса, благовония. Она шла к лингаму Шивы медленно, как ходят те, кто привык к тишине святых мест, и её босые ступни неслышно ступали по прохладному камню.

Она не знала, что за ней наблюдают.

Анудж стоял в нише у бокового алтаря Ганеши, скрытый тенью колонны. Он смотрел, как она приближается, и в его груди что-то шевельнулось. Не любовь — этого чувства он не знал и не хотел знать. Но что-то похожее на азарт. Охотничий азарт. Предвкушение.

Она была красива — теперь, без буйства красок Холи, он мог разглядеть её как следует. Тонкие черты лица. Большие глаза с поволокой, какие бывают у женщин, выросших на молоке и манго. Линия шеи — длинная, изящная, переходящая

в плечи, которые так и хотелось сжать. Она двигалась с грацией, которой не учат — с ней рождаются.

Жаль, думал он. Жаль, что она — всего лишь средство. Из неё вышла бы неплохая жена для кого-нибудь другого. Для человека, который может позволить себе роскошь любить.

Моника остановилась перед лингамом. Она опустилась на колени, склонила голову, закрыла глаза. Её губы зашевелились в беззвучной молитве. Она просила Шиву о хорошем муже — о человеке, который будет любить её, защищать, уважать. О человеке, с которым она построит дом и родит детей. О человеке, который никогда не причинит ей боль.

Шива молчал. Шива, разрушитель миров, знал то, чего не знала она: её молитва будет услышана ровно настолько, чтобы привести её к гибели.

Анудж вышел из тени именно в тот момент, когда она поднялась с колен. Она обернулась на звук шагов — и замерла, узнав его.

— Ты? — выдохнула она, и в этом коротком слове было всё: удивление, радость, недоверие, смущение.

— Я обещал, что мы увидимся, — сказал он, улыбаясь той самой улыбкой, которая три дня назад заставила её сердце биться чаще. — Я всегда выполняю обещания, Моника Нагар.

— Но откуда ты знал, что я... — она запнулась, краснея.
— Ты что, следил за мной?

— Следил? Какое грубое слово. — Он приблизился на

шаг. — Я просто спросил у богов, где найти самую красивую девушку Агры, и они привели меня сюда. Оказывается, она приходит молиться по пятницам.

— Ты невыносим, — сказала Моника, но её губы уже расплывались в улыбке, против её воли, против голоса разума, который где-то глубоко внутри шептал: «Осторожно. Слишком гладко. Слишком красиво. Слишком вовремя».

— Я невыносим? — Анудж прижал руку к груди в приторном возмущении. — Я шёл через весь город, чтобы увидеть тебя, я стоял в этом храме, как паломник, вдыхая дым благовоний до тошноты, а ты говоришь, что я невыносим? Это разбивает мне сердце.

Моника рассмеялась. Смех у неё был звонкий, как колокольчик на шее храмового слона, и Анудж на мгновение — всего на одно короткое мгновение — почувствовал что-то похожее на стыд. Но он задавил это чувство быстро, как давят окурок каблуком.

Они вышли из храма вместе. Солнце уже село, и над Агрой зажглись первые звёзды. Улицы старого города мерцали огнями масляных ламп, где-то играла музыка, где-то кричали торговцы, расхваливая свой товар. Они шли рядом, и их плечи почти соприкасались.

— Расскажи о себе, — попросила Моника. — Я о тебе ничего не знаю. Только имя.

— Анудж Чаухан, двадцать пять лет, не женат, — отпартовал он по-военному. — Отец занимается строитель-

ным бизнесом. Мать — домохозяйка. Есть младшая сестра, учится в Дели. Живём здесь, в Агре, в старом районе. Что ещё? Люблю манго. Ненавижу ложь. Мечтаю о... — он сделал паузу, глядя на неё сбоку, — о большой семье и доме, полном детей.

Моника споткнулась о камень — то ли от неожиданности, то ли от того, как он произнёс это «детей»: низко, интимно, словно они уже были женаты сто лет и обсуждали планы на ближайшее десятилетие.

— Осторожно, — он подхватил её под локоть. Его пальцы были тёплыми и крепкими. — Ты, кажется, вообще не смотришь под ноги, Моника Нагар. Сначала на Холи падаешь, теперь здесь. Тебе нужен кто-то, кто будет тебя ловить. Постоянно.

— Может быть, — сказала она, не отнимая руки. — Может быть, и нужен.

Они остановились у перекрёстка. Справа уходила улица, ведущая к дому Моника. Слева — к дому Ануджа. Фонарь над ними мигал, бросая на лица дрожащие оранжевые тени.

— Я хочу увидеть тебя снова, — сказал Анудж. — Завтра. Послезавтра. Всегда. — Он наклонился к ней, и его голос стал едва слышным шёпотом. — Ты самое прекрасное, что случилось со мной, Моника. Я не знаю, веришь ли ты в судьбу, но я верю. И судьба привела меня в тот день на площадь. Судьба привела меня сегодня в храм. Судьба привела меня к тебе.

Она молчала. В горле стоял ком. Никто и никогда не говорил ей таких слов. Она читала о таком в книгах, смотрела в кино, но не думала, что это может случиться с ней — с обычной девушкой из Агры, дочерью покойного торговца, сестрой вечно хмурого Рохита.

— Я тоже хочу, — прошептала она наконец. — Увидеть тебя снова.

Он улыбнулся — и на этот раз улыбка была почти настоящей.

— Тогда до завтра, Моника Нагар. Я приду за тобой в шесть. Будь готова.

Он развернулся и пошёл прочь, растворившись в темноте улочки, и Моника ещё долго стояла под мигающим фонарём, прижимая ладонь к груди, где сердце билось часто-часто, как крылья запертой в клетке птицы.

Домой она вернулась поздно. Рохит ждал её на крыльце — мрачный, как грозовая туча.

— Ты была с ним, — сказал он вместо приветствия. Это был не вопрос.

— Я была в храме, — спокойно ответила Моника, снимая уличные сандалии. — А потом встретила Ануджа. Случайно.

— Случайно? — Рохит горько усмехнулся. — В храме, куда ты ходишь каждую пятницу в одно и то же время? Это не случайно, сестра. Это расчёт. Он выследил тебя.

— Прекрати! — Моника резко обернулась, и в её глазах блеснули слёзы. — Почему ты не можешь просто порадо-

ваться за меня? Почему ты видишь зло во всём? Может быть, он просто влюбился! Может быть, это судьба!

— Судьба, — повторил Рохит, качая головой. — Знаешь, что я узнал о твоей «судьбе»? Я навёл справки о семье Чаухан. Их бизнес на грани краха. Раджендра Чаухан по уши в долгах. Они ищут богатую невесту для сына уже год. Год, Моника! И тут появляешься ты — с пятью акрами земли, которая стоит миллионы.

— Ты лжёшь, — голос Моника дрогнул. — Ты просто ревнуешь. Ты всегда меня ревновал ко всем.

— Я не ревную! — Рохит вскочил, схватив её за плечи. — Я пытаюсь тебя защитить! Проснись, сестра! Открой глаза! Этот человек — змея. И его семья — змеиное гнездо.

Моника вырвалась из его хватки. По её щекам текли слёзы — горькие, злые.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала она тихо. — Ты никогда не любил. Ты не знаешь, что такое — когда сердце поёт. Когда один взгляд на человека делает тебя счастливой. Когда ты готова на всё, лишь бы быть с ним.

— Даже умереть? — тихо спросил Рохит.

— Он меня не обидит. Он любит меня. Я знаю.

Она ушла в свою комнату и закрыла дверь. Рохит остался на крыльце, глядя в ночное небо, где звёзды равнодушно мерцали над спящим городом. Где-то вдалеке выла бездомная собака. Где-то в храме Шивы затухал последний огонёк масляной лампы. Где-то в старом районе Раджендра Чаухан

разливал виски по стаканам и улыбался, глядя на бумагу о праве собственности — ещё не подписанную, ещё чужую, но уже почти свою.

И только Шива, разрушитель миров, знал, чем закончится эта история.

Глава 3. Семь кругов судьбы

Свадьба была назначена на семнадцатое февраля.

Моника потом часто вспоминала эту дату — семнадцатое, вторник, день, посвящённый Хануману, богу силы и преданности. Она думала, что это добрый знак. Она думала, что Хануман благословит её брак той же верностью, с какой сам служил Раме. Она не знала, что Хануман — ещё и бог войны. И что семнадцатого числа, спустя три месяца, её кровь обогрит пол дома, который она так мечтала назвать своим.

Но до этого было далеко. Пока же — пока весь дом Нагар гудел, как улей в сезон цветения.

Мать Моника, Сумитра, не спала третью ночь. Она носилась по дому с энергией, которой позавидовала бы и двадцатилетняя девушка: проверяла списки гостей, торговалась с поставщиками цветов, лично пробовала каждое блюдо, которое готовили для свадебного пира, и отвергала каждое третье — «слишком остро», «слишком пресно», «слишком обычно». Она хотела, чтобы свадьба дочери стала легендой. Чтобы соседи ещё десять лет перешёптывались: «Вы помните свадьбу Моника Нагар? Вот это был пир!».

Рохит не разделял её энтузиазма.

Он сидел на крыше — том самом месте, где начиналась эта история, — и смотрел на город, затянутый предрассветной дымкой. В руке он держал конверт. В конверте лежали фотографии и несколько листов бумаги — результат его собственного, частного расследования.

На первой фотографии был Раджендра Чаухан, выходящий из офиса ростовщика по имени Лал Сингх — человека с репутацией мясника, дающего деньги под грабительские проценты. На второй — сам Лал Сингх, толстый, лысый, с блестящими, как у жабы, глазами, пожимающий руку Раджендре. На третьей — бухгалтерская выписка, из которой следовало, что строительная компания «Чаухан и сыновья» не приносит прибыли уже два года и держится на плаву исключительно за счёт новых займов, каждый из которых больше предыдущего.

— Они банкроты, — сказал Рохит матери, положив конверт на кухонный стол. — Полные банкроты. Им нужна земля Моники, чтобы расплатиться с долгами. Эта свадьба — не союз сердец, мама. Это рейдерский захват.

Сумитра взяла конверт. Посмотрела на фотографии. Перевела взгляд на сына.

— Ты прав, — сказала она тихо.

Рохит замер. Он ожидал спора, крика, обвинений в паранойе — чего угодно, только не этого.

— Я знаю, — продолжила Сумитра, опускаясь на стул. — Я знаю о долгах Раджендры. Я знаю, что их бизнес — пшик.

Я знаю, что они ищут богатую невесту. Я знаю всё, Рохит.

— И ты... — он запнулся, подбирая слова. — И ты всё равно отдаёшь её за него?

Сумитра подняла на сына глаза, полные такой боли, что у него перехватило дыхание.

— Ты когда-нибудь видел, как твоя сестра смотрит на этого человека? — спросила она. — Ты видел её лицо, когда она говорит о нём? Она сияет, Рохит. Она сияет, как твоя мать сияла, когда встретила твоего отца. Я не могу отнять у неё это сияние. Даже если оно ведёт к гибели.

— То есть ты готова позволить ей выйти замуж за убийцу, лишь бы она была счастлива сейчас?

— Я не знаю, убийца ли он, — резко ответила Сумитра. — Я знаю только, что его отец — мошенник и банкрот. Но разве сын всегда повторяет судьбу отца? Разве нет в мире сыновей, которые стали лучше своих отцов?

— Это не тот случай, — мрачно сказал Рохит. — Я чувствую. У меня внутри всё кричит, мама. Всё кричит: не отдавай её.

Сумитра долго молчала. Потом встала, подошла к алтарю в углу кухни, зажгла масляную лампу перед изображением Кришны.

— Я молюсь, — сказала она. — Каждую ночь я молюсь, чтобы ты оказался неправ. И каждую ночь боги молчат. Но я всё равно буду молиться. Потому что больше мне ничего не остаётся. Свадьба через три дня. Приглашения разосла-

ны. Заказана еда. Украшения куплены. Священник оплачен. Если я сейчас отменю свадьбу, Моника никогда мне этого не простит. И я не уверена, что хочу, чтобы она простила. Я лучше ошибусь и потеряю дочь, чем окажусь права и потеряю её любовь.

Рохит ничего не ответил. Он взял конверт, вышел из кухни и больше не заговаривал с матерью об этом. Но конверт не выбросил. Спрятал под матрас. На чёрный день.

А чёрный день приближался.

Семнадцатое февраля началось с тумана. Густого, белого, как вата, окутавшего Агру от земли до неба. Тадж-Махал, видный из окон дома Нагар, исчез — растворился в молоке, словно его и не было никогда. Суеверные соседки качали головами: туман в день свадьбы — дурной знак. Это значит, что боги закрыли глаза. Это значит, что небо не хочет видеть этот брак.

Но Моника не смотрела в окно. Она сидела перед зеркалом, а вокруг неё хлопотали четыре женщины — мать, тётка, две двоюродные сестры. Они одевали её, как одевают богиню перед выходом к смертным: слой за слоем, ткань за тканью, украшение за украшением.

Сари было красным. Цвет невесты. Цвет крови. Цвет жизни и смерти одновременно. Шёлк струился по её телу, как вода, — тяжёлый, расшитый золотыми нитями, с каймой, на которую ушёл год работы лучших вышивальщиц Агры. Золотые браслеты звенели на запястьях — двадцать четыре

штуки, по числу лет, которые она прожила бы в счастье, если бы судьба была справедлива. Носовое кольцо с бриллиантом, подарок матери, поблёскивало при каждом вдохе. Серьги оттягивали мочки ушей. Ожерелье из жёлтого золота тяжело лежало на груди, как обещание богатства, которое никогда не исполнится.

И мехенди. О, это мехенди!

Художница, старая Фатима-би, колдовала над её ладонями шесть часов. От кончиков пальцев до локтей кожа Моника превратилась в кружево: павлины, лотосы, манговые листья, храмовые купола. И среди этого великолепия, спрятанная в самом сердце узора на правой ладони, таяла буква «А». Анудж. Её тайна. Её любовь. Её приговор.

— Если он найдёт букву за минуту, ты будешь главной в семье, — сказала Фатима-би, подмигивая беззубым ртом. — Если за час — будете на равных. Если не найдёт вовсе — быть тебе королевой, а ему рабом.

— Он найдёт, — уверенно сказала Моника, разглядывая узоры. — Он умный.

— Все они умные до первой брачной ночи, — хмыкнула старуха, собирая инструменты. — А потом ум куда-то девается. Вместе со слухом. Особенно когда жена просит вынести мусор.

Женщины рассмеялись. Моника — громче всех.

Сейчас, вспоминая этот смех, я думаю: он был искренним? Она действительно верила в своё счастье? Или где-то

глубоко внутри, под слоями шёлка и золота, под кружевом мехенди и запахом жасмина, уже зрело сомнение — крохотное, с рисовое зёрнышко, но живое? Может быть, именно потому она и смеялась так громко — чтобы заглушить его?

Бараат — свадебное шествие жениха — приближался.

Сначала мы слышали барабаны. Глухой, вибрирующий ритм дхола, от которого дрожали стёкла в окнах. Потом — трубы, высокие и пронзительные, как крик павлина на расвете. Потом — гул толпы, смех, пение, взрывы петард.

Анудж ехал на белом коне.

Он был великолепен — она увидела это из окна и замерла, забыв, как дышать. Кремовый шервани, расшитый серебром. Тюрбан с плюмажем из павлиньих перьев. Сабля на поясе — церемониальная, тупая, но выглядящая внушительно. Он сидел в седле, как принц из древних эпосов, — прямой, гордый, ослепительный. За ним шли десятки людей — родственники, друзья, просто зеваки, привлечённые музыкой и щедростью Чауханов (Раджендра приказал разбрасывать в толпе мелкие монеты, и это сработало безотказно).

— Едет, — выдохнула Моника, отскакивая от окна. — Мама, он едет!

— Вижу, — Сумитра улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз. — Сядь. Невеста не должна выглядывать в окно, как уличная девчонка.

Моника послушно села, сложив руки на коленях. Сердце колотилось где-то в горле. Она слышала, как внизу, во дворе,

гости приветствуют жениха. Слышала, как её дяди совершают ритуал милни — обмен гирляндами между родственниками. Слышала, как Раджендра Чаухан громогласно шутит и хлопает кого-то по спине. Слышала всё — и ничего.

Её мир сузился до одной точки. До звука шагов на лестнице. До голоса, который сейчас произнесёт её имя.

И он произнёс.

— Моника.

Она подняла голову, и всё вокруг исчезло. Остался только он — в дверном проёме, с гирляндой из красных роз в руках. Он смотрел на неё так, как смотрят на чудо, — с благоговением, с восторгом, с голодом. И она, бедная, глупая девочка, не умела отличить восторг от жадности. Она видела только то, что хотела видеть: любовь.

— Ты прекрасна, — сказал Анудж. — Как богиня Лакшми, сошедшая с небес.

— А ты — как Рама, — ответила она. — Мой Рама.

Они обменялись гирляндами под крики и аплодисменты толпы. Розы пахли одуряюще сладко.

А потом был огонь.

Священный огонь Агни разожгли в медной чаше посреди свадебного шатра. Жрец, старый брахман с седой бородой до пояса, вознёс молитвы на санскрите — древние слова, значения которых никто из присутствующих толком не понимал, но все почтительно склоняли головы. Огонь трещал, выбрасывая в небо искры. Моника смотрела в пламя, и на мгнове-

ние — всего на одно короткое мгновение — ей показалось, что языки огня складываются в лицо. Женское лицо. Искажённое мукой. Беззвучно кричащее.

Она вздрогнула и отвела взгляд.

— Что случилось? — спросил Анудж, наклоняясь к ней.

— Ничего. Показалось.

Жрец призвал их встать. Начался ритуал саптапади — семь шагов вокруг священного огня. Семь шагов, скрепляющих брак на семь жизней вперёд. Семь обетов, каждый из которых Моника мысленно повторяла, как молитву.

Первый шаг: да будет пищей наш дом полон.

Второй шаг: да будут сильными и здоровыми наши дети.

Третий шаг: да не угаснет пламя нашей любви.

Четвёртый шаг: да будем мы опорой друг другу.

Пятый шаг: да разделим мы радость и горе.

Шестой шаг: да будем мы верны до последнего вздоха.

Седьмой шаг: да будем мы вместе навсегда.

На седьмом шаге — словно дурное знамение — порыв ветра задул одну из масляных ламп у алтаря. Пламя дёрнулось, зашипело и погасло, оставив после себя тонкую струйку дыма. Гости замерли. Кто-то ахнул. Кто-то зашептал молитву.

— Ничего, — громко сказал Раджендра, и его голос перекрыл ропот толпы. — Всего лишь ветер. Зажгите снова.

Лампу зажгли. Ритуал завершили. Моника Нагар стала Моникой Чаухан.

Я видел, как она уходила.

После пира, после танцев, после того, как последний гость допил свой чай и отправился восвояси, Моника села в украшенный цветами автомобиль, присланный семьёй Чаухан. Она обернулась на пороге и посмотрела на наш дом. На окна, в которых горел свет. На крышу, где она стояла в день Холи. На дерево ним, под которым она играла в детстве. Прощание. Она не знала, что прощается навсегда. Но, может быть, чувствовала — где-то там, под сердцем, где живут предчувствия, не имеющие названия.

— Я люблю тебя, — сказала она матери, обнимая её. — Спасибо за всё.

— Будь счастлива, дочка, — прошептала Сумитра, и её голос не дрогнул. Ни единой слезинки. Она плакала потом, ночью, когда никто не видел.

— Береги её, — сказал Рохит Ануджу, пожимая ему руку. Он сжал её крепче, чем следовало, — так, что побелели костяшки. — Если с её головы упадёт хоть волос, я найду тебя. Где угодно.

— Что ты, брат, — Анудж улыбнулся своей лучшей улыбкой. — Её волосы для меня священны. Я буду носить её на руках.

Рохит не ответил. Он смотрел, как машина уезжает в ночь, и думал, что слова «я буду носить её на руках» — самые страшные слова, которые он когда-либо слышал. Потому что они звучали как приговор.

Машина скрылась за поворотом. Свадебные огни погасли. Дом Нагар погрузился в тишину — ту особую, звенящую тишину, какая бывает после праздника, когда музыка уже отзвучала, а воздух ещё пахнет ушедшим счастьем.

А в старом районе Агры, в доме, куда привезли Монику, начиналась другая история. Та, которую она не прочитала бы ни в одном любовном романе. Та, которую она не увидела бы ни в одном фильме. Та, которую она проживёт на своей шкуре — от первого синяка до последнего вздоха.

Глава 4. Медовый месяц в золотой клетке

Дом Чауханов встретил Монику тишиной.

Это было первое, что она заметила, переступив порог. Не радостными криками, не благословениями старших, не смехом новых родственников — а тишиной. Густой, вязкой, как простокваша, тишиной, которая обволакивала стены, гасила шаги и заставляла говорить шёпотом, даже когда в этом не было нужды.

Дом был большой — куда больше отцовского, — но дышал он как-то иначе. В доме Нагар стены, казалось, впитывали солнечный свет и отдавали его даже ночью. Здесь же, сколько бы ламп ни горело, углы оставались тёмными. А может быть, дело было не в лампах. Может быть, тьма жила здесь всегда, независимо от освещения, — как змея, свернувшаяся кольцами под половицами.

Свекровь, Вимала Чаухан, встретила её на пороге с подносом в руках — ритуальное приветствие: кокос, зажжённый

светильник, красная тика для лба.

— Добро пожаловать в наш дом, дочка, — произнесла она, и голос её был ровным, как линия горизонта в пустыне. Ни тепла, ни холода. Просто звук.

Моника наклонилась, чтобы коснуться её стоп, но Вимала отступила на полшага — ровно настолько, чтобы жест получился незавершённым, скомканным, неловким.

— Не надо, — сказала она. — Успеется. Сначала войди.

И Моника вошла.

Внутренний двор был вымощен камнем, посреди стояло старое манговое дерево — кривое, узловатое, с ветвями, раскинувшимися, как руки нищего. Позже Моника узнает, что дерево это не плодоносит уже семь лет. Что его хотели срубить, но Вимала запретила — по какой-то своей, только ей ведомой причине. Позже Моника поймёт, что это дерево было единственным свидетелем всего, что случится в этом доме. Единственным, кто не умел лгать и не хотел.

Её комната — их с Ануджем комната — находилась на втором этаже. Большая, с высоким потолком, с тяжёлыми бархатными шторами цвета запёкшейся крови. Кровать под балдахином, резной шкаф, туалетный столик с потускневшим зеркалом. В углу — изображение Лакшми, богини процветания, с венком из сухих бархатцев, который не меняли, кажется, с прошлого года.

— Это была комната моей бабушки, — сказал Анудж, ставя её чемоданы у стены. — Она умерла здесь. В этой самой

кровати.

— Зачем ты мне это говоришь? — Моника поёжилась.

— Просто к слову. — Он пожал плечами и улыбнулся.

— Не бойся, она была хорошей женщиной. Думаю, её дух не будет против, если мы займём её кровать. Тем более для того, для чего она предназначена.

Моника покраснела. Анудж рассмеялся — и это был последний раз, когда она слышала его смех искренним.

Первая ночь прошла так, как проходят все первые ночи: со смущением, с нежностью, с осторожными прикосновениями и шёпотом в темноте. Анудж был ласков. Он называл её своей королевой, своей Лакшми, своей жизнью. Он целовал её веки и говорил, что никогда — никогда! — не позволит ничему плохому с ней случиться. Моника таяла в его руках, как масло на солнце, и где-то на грани сна и яви ей казалось, что старуха Фатима-би ошибалась: не надо искать букву «А» на ладони. Надо просто закрыть глаза и довериться. И всё будет хорошо.

Всё будет хорошо.

Наутро всё изменилось.

Моника проснулась оттого, что кто-то тряс её за плечо — грубо, требовательно, без всякого уважения ко сну новобрачной. Она открыла глаза и увидела Вималу, стоящую над кроватью, как статуя богини Кали — прямая, тощая, с горящими глазами на измождённом лице.

— Вставай, — сказала свекровь. — Уже шесть утра. В

этом доме не спят до полудня, как в твоём отцовском.

— Я не сплю до полудня, — пробормотала Моника, пытаюсь сесть. Сари сбилось, волосы растрепались. — Я просто...

— Ты просто думаешь, что вышла замуж и теперь можешь ничего не делать? — Вимала скрестила руки на груди. — Ошибаешься. Жена в этом доме — не украшение. Вставай, приведи себя в порядок и спускайся на кухню. Будешь учиться готовить завтрак для мужа. Он любит паратхи. Тонкие, хрустящие, с топлёным маслом. Сумеешь?

— Я... да, я умею готовить паратхи.

— Посмотрим.

Вимала развернулась и вышла, даже не взглянув на спящего Ануджа. Тот даже не пошевелился — то ли действительно крепко спал, то ли притворялся. Моника сидела на кровати, глядя на закрытую дверь, и пыталась понять, что только что произошло. Вчера она была королевой. Сегодня — прислугой. Где та грань, за которой заканчивается праздник и начинается реальность? И почему никто не предупредил её, что эта грань такая тонкая?

Она спустилась на кухню через двадцать минут, умытая и причёсанная, в простом сари — не красном свадебном, а скромном зелёном, которое, как ей казалось, подходило для домашней работы. Вимала окинула её взглядом и хмыкнула — непонятно, одобрительно или насмешливо.

Кухня была большой, но запущенной. Посуда громоздилась в раковине, на полках стояли банки с непонятным со-

держимым, затянутые паутиной. Плита была старой, деревянной — не газовая, как в доме Нагар. Моника растерянно огляделась, пытаясь сориентироваться.

— Дрова в сарае, — сказала Вимала, проследив за её взглядом. — Мука в той банке. Масло там. Приступай.

Моника приступила.

Она замесила тесто — слишком круто, как выяснилось позже. Раскатала первую лепёшку — слишком толсто. Бросила на сковороду — недостаточно горячую. Паратха не желала хрустеть. Она наливалась маслом, пузырилась, пригорала по краям, но хруста — того самого хруста, за который хвалят хорошую хозяйку, — не было.

— Криворукая, — констатировала Вимала, заглянув через плечо. — Чему тебя учила твоя мать? Вышивать подушечки?

— Моя мать учила меня всему, что должна уметь жена, — сказала Моника, и голос её дрогнул — не от страха, а от обиды. — Просто в нашем доме была газовая плита.

— Газовая плита, — фыркнула Вимала. — Посмотрим, как ты запоешь через месяц. Газовая плита ей нужна. Может, тебе ещё и посудомоечную машину подать? Или слугу, который будет тебе орехи колоть?

Моника промолчала. Она сняла подгоревшую паратху, выбросила в мусорное ведро и начала сначала. И ещё раз. И ещё. К тому моменту, когда Анудж спустился к завтраку, на тарелке лежали три сносные лепёшки — не идеальные, но

съедобные.

— Вкусно, — сказал Анудж, жуя. — Правда, вкусно. Мама, попробуй.

— Я уже завтракала, — отрезала Вимала. — И я не ем паратхи на топлёном масле. Берегу сердце.

И вышла из кухни, оставив Монику стоять у плиты с деревянной лопаткой в руке. Анудж подмигнул жене:

— Не обращай внимания. Она ко всем так. Привыкнешь.

Моника попыталась улыбнуться. У неё почти получилось.

Так начался её медовый месяц. Не было ни моря, ни гор, ни отелей с бассейнами — ничего из того, что она смутно представляла, думая о замужестве. Был только этот дом — огромный, тёмный, чужой. Была кухня, где она проводила по шесть часов в день. Была Вимала, чьи глаза следили за каждым её движением, как глаза кошки, караулящей мышь. Был Раджендра, свёкор, который редко появлялся дома, а когда появлялся — молчал, ел и снова исчезал, оставляя после себя запах виски и дорогого одеколona.

И был Анудж. Днём он пропадал в городе — по делам бизнеса, как он говорил. Вечером возвращался, усталый, и Моника бежала ему навстречу, как собачонка, изголодавшаяся по ласке. Он обнимал её рассеянно, целовал в лоб, спрашивал, как прошёл день, — но не слушал ответа. За ужином он говорил мало. Зато ночью — ночью он всё ещё был тем Ануджем, которого она полюбила на Холи. Страстным, жадным, шепчущим на ухо слова, от которых у неё кружилась

голова. И она убеждала себя, что это главное. Что дневные обиды — плата за ночное счастье. Что Вимала перебесится. Что Раджендра привыкнет. Что всё наладится.

Однажды вечером, через две недели после свадьбы, она сидела у мангового дерева во дворе. Был тёплый мартовский вечер, небо над Агрой окрасилось в розовый и золотой — цвета её свадебного сари. Моника смотрела на дерево и думала о том, что оно не плодоносит. Интересно, почему? Может быть, ему не хватает воды? Может быть, его нужно подрезать? Может быть, под ним что-то зарыто — то, что отравляет корни?

— О чём думаешь?

Она обернулась. Анудж стоял у неё за спиной — она не слышала его шагов. В сумерках его лицо казалось вырезанным из тёмного дерева — резкое, с глубокими тенями под скулами.

— О дереве, — сказала она. — Почему оно не плодоносит?

— Говорю же, бабушка умерла в той комнате, — Анудж указал на окно второго этажа. — С тех пор и не плодоносит. Может, дух её тоскует. Может, прокляла перед смертью. Кто знает.

— Ты веришь в проклятия?

— Я верю в то, что вижу. — Он присел рядом на корточки, взял её за подбородок, развернул к себе. — А вижу я красивую женщину, которая почему-то грустит. Что случилось?

Мать опять накричала?

— Немного, — призналась Моника. — Сказала, что я неправильно складываю сари. Что у меня нет вкуса. Что я позорю ваш дом своим видом.

— У тебя отличный вкус, — сказал Анудж. — Ты самая красивая женщина в Агре. Я же говорил.

— Говорил.

— Ну вот. А мать... — он помедлил, подбирая слова. — Мать у меня сложная. Она всю жизнь боролась за место под солнцем. Думаешь, легко быть женой Раджендры Чаухана? Она привыкла, что все вокруг — враги. Дай ей время. Она отгадет.

— Ты правда так думаешь?

— Я правда так думаю.

Он поцеловал её — прямо там, под бесплодным манговым деревом, в сгущающихся сумерках. И она снова поверила. Снова растаяла. Снова убедила себя, что всё наладится.

Прошёл ещё месяц.

Ничего не наладилось.

Вимала не оттаяла — напротив, стала ещё жестче. Критика переросла в оскорбления. Замечания — в придирки. Моника не могла сделать ни шагу, чтобы не услышать за спиной шипение свекрови: «не так», «не туда», «не умеешь», «не научили». Она стирала бельё вручную, хотя в доме была стиральная машина — Вимала говорила, что машина портит ткань. Она мыла полы на коленях, хотя была швабра — Ви-

мала говорила, что швабра оставляет разводы. Она готовила на дровяной плите, хотя газовая тоже имелась — просто Вимале нравилось смотреть, как невестка мучается с растопкой.

Анудж видел это. Не мог не видеть. Но он молчал. Иногда, за ужином, когда мать особенно усердствовала, он бросал: «Мам, хватит», — но так, вяло, без огня. Вимала отмахивалась, и он отступал. Моника убеждала себя, что он просто не хочет ссориться с матерью. Что он любит её, Моника, но уважает мать, и это правильно. Сын должен уважать мать. Жена должна терпеть.

Терпеть. Это слово она повторяла про себя всё чаще. Терпение — добродетель жены. Терпение — путь к счастью. Терпение — то, чему учила её мать, когда отец умер и они остались втроём. «Терпи, дочка. Всё проходит. Пройдёт и это».

И она терпела. Стиснув зубы. Глотая слёзы. Улыбаясь через силу.

А потом случился тот самый ужин.

Был конец марта — месяц, когда в Агре начинается жара. За столом собралась вся семья: Раджендра, Вимала, Анудж, Моника и ещё двое — двоюродный брат Ануджа, Викрам, и его жена Прия. Викрам был неприятным типом — толстый, потный, с маслянистыми глазками и смехом, похожим на кашель гиены. Прия, напротив, была тихой и бледной, как тень, — она почти не говорила, только ела, опустив глаза в тарел-

ку.

Разговор шёл о делах. Раджендра жаловался на кризис в строительном секторе, Викрам поддакивал, Анудж отмалчивался. Моника, как обычно, подавала еду — она теперь ела только после того, как все закончат, такова была воля Вималы.

— Ну что, братец, — вдруг сказал Викрам, поднимая стакан с виски, — когда дело с землёй решится? Я слышал, шоссе вот-вот утвердят. Цены взлетят до небес.

Моника замерла с чашкой дала в руках.

— Всё идёт по плану, — ответил Анудж, не глядя на брата. — Не при жене.

— А чего скрывать-то? — Викрам хохотнул. — Она же теперь часть семьи. Должна знать, ради чего её сюда привезли.

— Викрам, — резко сказал Раджендра. — Закрой рот.

Но Викрам уже разошёлся — выпил лишнего, а пьяный он становился болтлив и зол.

— Серьёзно, Моника-бхабхи, — он повернулся к ней, скаля жёлтые зубы. — Ты думала, Анудж на тебе из-за глаз твоих прекрасных женился? Из-за улыбки? Из-за того, как ты танцуешь? — Он снова хохотнул, довольный собой. — Земля, бхабхи. Земля! Пять акров на трассе Агра — Дели. Вот твоё приданое. Остальное — приятное дополнение.

В столовой стало очень тихо. Так тихо, что было слышно, как на кухне капает вода из крана.

Моника перевела взгляд на Ануджа. Тот сидел, уставившись в тарелку, и его челюсти были сжаты так, что желваки ходили под кожей.

— Это правда? — спросила она тихо.

— Конечно, правда, — ответил за брата Викрам. — Спроси у отца. Спроси у тётки. Все знают. Одна ты, как дура, верила в сказку про любовь.

— Я сказал: закрой рот! — рявкнул Раджендра, ударив кулаком по столу. Стаканы подпрыгнули, дал выплеснулся на скатерть.

Викрам заткнулся, но было поздно. Слова уже были сказаны. Они повисли в воздухе, как ядовитый газ, и Моника вдохнула их полной грудью.

Она аккуратно поставила чашку на стол. Вытерла руки о передник. Повернулась и вышла из столовой, не сказав ни слова. Никто не попытался её остановить.

В их спальне она села на кровать и стала ждать. Она не плакала. Слезы придут позже, когда она останется одна. Сейчас внутри была пустота — звонкая, ледяная пустота, в которой эхом отдавались слова Викрама. «Земля. Пять акров. Вот твоё приданое».

Через десять минут в комнату вошёл Анудж.

— Моника.

Она подняла на него глаза. Он стоял в дверях, и лицо его было странным — смесь вины, раздражения и чего-то ещё. Чего-то, чему она пока не могла подобрать названия.

— Это правда? — повторила она.

— Послушай...

— Нет. Не «послушай». Ответь. Это правда? Ты женился на мне из-за земли?

Анудж шагнул к ней, опустился на колени, взял её руки в свои. Его ладони были горячими и влажными.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он быстро. — Да, мой отец... да, у нас есть проблемы с бизнесом. Да, земля важна. Но это не значит, что я тебя не люблю! Я полюбил тебя! Правда полюбил! Просто... просто сначала было одно, а потом другое. Разве так не бывает? Разве любовь не может вырасти из расчёта?

— Из расчёта? — повторила Моника, и голос её задрожал. — Ты говоришь о моей жизни, как о сделке. Как о покупке. «Сначала было одно, потом другое». Что «другое», Анудж? Что ты ко мне чувствуешь на самом деле?

— Я чувствую, что ты моя жена! — Он сжал её руки крепче, почти до боли. — Я чувствую, что хочу быть с тобой! Разве этого недостаточно?

— Я не знаю, — прошептала она. — Я уже ничего не знаю.

Анудж притянул её к себе, обнял, зарылся лицом в волосы. Он шептал извинения, клятвы, признания. Он говорил, что она — лучшее, что случилось в его жизни. Что отец действительно давил на него, но теперь всё изменилось. Что он не представляет жизни без неё. Что он никому не позволит её обидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.